
СИНТАКСИС

УДК 811.511.142 + 81'367.335 + 81'367.63
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-53-65

Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка

Н. Б. Кошкарёва

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка опирается на принципы, разработанные М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой в монографии «Очерки по теории сложного предложения» (1987 г.). В зависимости от принадлежности скрепы одной или обоим предикативным единицам различаются одноместные и неодноместные скрепы: одноместные целиком принадлежат одной из предикативных единиц, неодноместные состоят из двух или более частей и находятся в разных предикативных единицах. На втором шаге классификации учитывается морфологическая природа скреп: в хантыйском языке они образуются на основе частиц или местоимений. Дальнейшая классификация учитывает количество компонентов, входящих в состав той или иной скрепы: в соответствии с этим выделяются однокомпонентные и многокомпонентные (как правило, двухкомпонентные) скрепы. Специфика хантыйского языка состоит в том, что союзы как таковые отсутствуют, поскольку преобладают синтетические и аналитико-синтетические полипредикативные конструкции. Для связи частей полипредикативной конструкции используются частицы и местоимения. Однако в языке газеты фонд аналитических скреп активно пополняется.

Ключевые слова

хантыйский язык, казымский диалект, союз, скрепа, структурная классификация показателей связи, аналитические конструкции, синтетические конструкции, аналитико-синтетические конструкции

Для цитирования

Кошкарёва Н. Б. Структурная классификация аналитических скреп хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 53–65. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-53-65

Structural classification of analytical connectors of a complex sentence in the Khanty language

N. B. Koshkareva

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Annotation

The structural classification of analytic connectors of a complex sentence of the Khanty language follows the principles developed by M. I. Cheremisina and T. A. Kolosova in the monograph “Essays on the theory of complex sentences” (1987). Single and non-single connectors can be distinguished depending on whether the complex sentence connector belongs to one predicative unit or to both ones, with single connectors belonging entirely to one of the predicative units and non-single ones consisting of two or more parts placed in different predicative units. Also, the classification takes into account the morphological nature: in the Khanty language, the analytical connectors of a complex sentence are formed based on particles or pronouns. Further, consideration is given to the number of com-

© Н. Б. Кошкарёва, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

ponents in the composition of a particular connector, with single-component and multicomponent (usually two-component) connectors being identified. The specificity of the Khanty language is that there are no conjunctions since synthetic and analytical-synthetic polypredicative constructions prevail. Particles and pronouns are used to connect the parts of a polypredicative construction. However, in the language of newspapers, the fund of analytical connectors is actively replenished.

Keywords

Khanty language, Kazym dialect, conjunction, structural classification of the means of the connection of parts of a complex sentence, analytical constructions, synthetic constructions, analytical-synthetic constructions

For quoting

Koshkareva N. B. Strukturnaya klassifikaciya analiticheskikh skrep hantyjskogo yazyka [Structural classification of analytical means of the connection of parts of a complex sentence of the Khanty language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 4 (iss. 42), pp. 53–65. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-53-65

Памяти Татьяны Андреевны Колосовой
(1928–2021 гг.)

Введение

Эта статья посвящена памяти Татьяны Андреевны Колосовой – доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, главного научного сотрудника Института филологии СО РАН. В соавторстве с Майей Ивановной Черемисиной ею написана одна из выдающихся работ современного синтаксиса – «Очерки по теории сложного предложения» [Черемисина, Колосова 1987].

В. А. Белошапкова писала, что это исследование, обращенное к современной теории сложного предложения и критически анализирующее ее, «должно быть расценено как заметное и значительное событие. Возможно, эта книга открывает новый виток в развитии отечественной синтаксической науки, который будет характеризоваться углубленным анализом теоретических основ учения о СП и разработкой новой системы понятий и терминов» [Белошапкова 1989: 145].

Предсказание В. А. Белошапковой сбылось. Эта книга широко цитируется, принципы классификации показателей связи частей полипредикативных конструкций развиваются во многих трудах, посвященных как русскому языку (например, [Завьялов 2008] и мн. др.), так и сибирским тюркским языкам – алтайскому [Озонова 2007, 2008, 2009, 2013а, 2013б, 2019; Черемисина, Озонова 2006], тувинскому [Шамина 2008] и т. д. В широкий научный оборот вошли термины *скрепа* и *полипредикативная конструкция*, которые позволяют выйти за рамки бифинитных сложных предложений с союзами, типичных для русского и индоевропейских языков, и построить типологию «непростых» предложений на основе их противопоставления синтетическим и аналитико-синтетическим конструкциям, которые не признаются собственно сложными, поскольку в них средствами связи частей являются форма сказуемого и включенные в его состав морфологические показатели, прежде всего падежа и / или послелого.

В урало-алтайских языках Сибири исконных союзов практически нет или их состав ограничен единичными лексемами. Традиционно понимаемое сложное предложение как бифинитное построение с аналитическим показателем связи предикативных единиц употребляется не очень широко, но отношения между событиями, естественно, передаются, хотя и другими способами. Расширение терминологической базы, связанной с выражением отношений между событиями, позволило Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной внести заметный вклад в построение типологии полипредикативных конструкций.

Целью данной статьи является классификация аналитических показателей связи в хантыйском языке на примере казымского диалекта. Этот диалект выбран потому, что преимущественно на нем печатается окружная газета «Ханты ясаң» (<https://khanty-yasang.ru/>), которая является основным источником пополнения аналитических средств, нетипичных для фольклорных текстов, но развивающихся под влиянием русского языка для передачи новых типов информации, нехарактерной для бытовой речи и традиционных жанров фольклора.

Материалы и методы

Основным источником материала для данной статьи послужили примеры на казымском диалекте хантыйского языка, извлеченные методом сплошной выборки из газетных и фольклорных публикаций, в первую очередь материалы газеты «Ханты ясаң» (<https://khanty-yasang.ru/>). Для сопоставления инновационных процессов в газетных текстах с исконной структурой хантыйского предложения проанализированы фольклорные тексты. Проводится также критический анализ словарных материалов и анализируется корпус отмеченных в них союзов.

Результаты и обсуждение

Исконным типом полипредикативных предложений в хантыйском языке являются синтетические и аналитико-синтетические конструкции, в которых предикат зависимой части выражен деепричастием (пример 1), причастием в падежной форме (пример 2) или сочетанием причастия с послелогом (пример 3):

(1) *Кӓт не ариман-моӓцман хӓв-ван мӓнлӓжӓн* [Потпот 2014: 9].

кӓт не ари=**ман**-моӓц=**ман** хӓв-ван мӓн=л=ӓжӓн
два женщина петь=**CV**-рассказывать сказки=**CV** далеко-близко идти=**PR**=**SUBJ/3DU**

Букв.: Две женщины, распевая, рассказывая сказки, далеко-близко идут.

‘Две женщины с песнями-сказками долго ли, коротко идут’ [Потпот 2014: 12].

(2) *Ин тӓм мӓнтӓмӓнӓн кӓт хӓ стӓл* [Потпот 2014: 9].

ин тӓм мӓн=**т**=**смӓн**=**ӓн** кӓт хӓ=∅ ст=ӓл=∅
сейчас вот идти=**PrP**=**2DU**=**LOC** два мужчина=**NOM** появиться=**PR**=**SUBJ/3SG**

Букв.: Вот сейчас, пока мы идем, двое мужчин появятся.

‘Сейчас нам встретятся двое мужчин’ [Потпот 2014: 12].

(3) *Песӓл летем са тӓрпийӓм ваӓцса* [Потпот 2014: 8].

пес=ӓл=∅ лӓ=**т**=**см** са тӓрпий=см=∅
осока=**POSS/3SG/SG**=**NOM** есть=**PrP**=**1SG** пока губа=**POSS/1SG/SG**=**NOM**

ваӓц=с=а=∅

порезать=**PAST**=**PASS**=**SUBJ/3SG**

‘Пока я ел осоку, порезал губу’ [Потпот 2014: 8].

Союзов как отдельной служебной части речи, предназначенной для связи частей сложного предложения и однородных членов предложения, в хантыйском языке фактически нет, в связующей функции используются другие части речи – частицы и местоимения.

В «Хантыйско-русском словаре» [Соловар 2020], содержащем более 9000 слов, помета *союз* встречается 15 раз, что не так много. При этом для многих слов эта помета употреблена ошибочно, а соответственно, количество «союзов» становится еще меньше.

Перечислим основные случаи, в которых тем или иным словам приписан частеречный статус союза, и прокомментируем особенности их функционирования.

1. Частицы и местоимения в роли подчинительных союзов

Функционально наиболее близким союзам является слово *ки* ‘если’, которое регулярно употребляется в условных предложениях. По подсчетам Т. Ризе, в 89 % предложений условной семантики для связи частей используется именно это слово [Riese 1984: 101], которое, тем не менее, он называет частицей, а не союзом, отмечая его заимствованный характер из коми-зырянского языка. В предложении оно занимает либо последнее место в составе зависимой части (пример 5), либо может относиться к любому члену предложения (пример 6), но в инициальной позиции в норме оно не фиксируется (см. подробнее описание функционирования частицы *ки* в разных позициях: [Там же: 101–108]).

Положение связующего средства в конце зависимой предикативной единицы для языков синтетического строя с препозицией зависимой части естественно, так как показатель связи оказывается между двумя частями, скрепляя их единство. Такую же позицию занимают падежные показатели причастий и послелогов в составе синтетических и аналитико-синтетических конструкций. Таким образом, типологической особенностью хантыйского языка является положение любого показателя связи – синтетического или аналитического – в центре полипредикативной конструкции, между зависимой и главной частями.

В словаре В. Н. Соловар слово *ки* представлено как два омонима – союз ‘если’ и частица ‘так’:

ки I союз если:

(4) *Мӓнӓм мосты хӓннӓхӓ ки, йӓнукӓл ӓулӓмаӓлӓн, лӓньщӓл ӓулӓмаӓлӓн, йухи ӓслӓлӓн* [Соловар 2020: 202].

мӓн=ӓм	мос=ты	хӓннӓхӓ=∅	ки	йӓнук=ӓл=∅
я=POSS/1SG/SG	быть нужным=PrP	человек=NOM	если	лед=POSS/3SG/SG=NOM
ӓулӓм=ӓлӓн	лӓньщ=ӓл–∅			ӓулӓм=ӓлӓн
облизать=IMP/OBJ/2DU-PL	снег=POSS/3SG/SG=NOM			облизать=IMP/OBJ/2DU-PL
йухи	ӓсл=ӓлӓн			
домой	пустить=IMP/OBJ/2DU-PL			

‘Если нужный мне человек, оближите его лед, оближите его снег, впустите его домой.’

(5) *Нӓӓ ки йухӓтӓлӓн, ма на йиӓлӓм* [Соловар 2020: 202].

нӓӓ	ки	йухӓт=л=ӓн	ма	па	йи=л=ӓм
ты	если	прийти=PrP=SUBJ/2SG	я	тоже	прийти=PR=SUBJ/1SG

‘Если ты придешь, я тоже приду.’

ки II част. так:

(6) *Мулты вой вӓлӓв ки, вӓлӓв* [Соловар 2020: 202].

мулты	вой=∅	вӓл=л=ӓв	ки	вӓл=л=ӓв
какой	зверь=NOM	добыть=PR=SUBJ/1PL	если	добыть=PR=SUBJ/1PL

Букв.: Какого-нибудь зверя добудем если, добудем.

‘Какого-нибудь зверя добудем так добудем.’

(7) *Мӓнты ки на мӓнты* [Соловар 2020: 202].

мӓн=ты	ки	па	мӓн=ты
ехать=PrP	если	и	ехать=PrP

‘Ехать так ехать.’

Приведенные в словаре предложения (4) – (7) демонстрируют однотипные употребления данного слова для выражения условных отношений, хотя во второй серии примеры являются фразеологизированными, но все-таки они восходят к условному типу конструкций.

Иллюстрацией употребления данного слова в роли частицы может служить пример (8), где частица *ки* выражает мягкое побуждение:

(8) *Нӓӓ ки йӓухӓлӓн.*

нӓӓ	ки	йӓух=л=ӓн
ты	бы	ходить=PR=SUBJ/2SG

‘Ты бы сходил.’

Приведем также пример из фольклорного текста, перевод которого дан носителем языка, употребившим форму *съездим* на месте сочетания *йӓухӓлӓв ки* ‘если съездим’ (букв.: ходить=PR=SUBJ/1PL если), обозначающую приглашение к совместному действию. Прагматически близким эквивалентом

в русском языке могла бы быть конструкция типа «А что если нам сходить?», которая прямого условного значения не передает, хотя скрытый модусный смысл здесь имеется: «что будет, если сходить?» (см. пример 9):

(9) *Аица, – лутийэҕэ, – ин Увэс йурэнҕан хуца мойа ййухҕэв ки, туйтлы хотэн, камри хотэн тайты эвэл аһт нэлы майлэ мәнэм* [Потпот 2014: 14] – ‘Отец, – говорит, – **съездим** к Северному ненцу свататься, дочь, которую он держит в тёмном доме, в доме без огня, может, отдаст за меня замуж’ [Потпот 2014: 20].

Таким образом, первичной для слова *ки* является функция побудительной частицы, имеющей гипотетическую окраску, на основе которой становится возможным ее употребление для выражения условных отношений, которые предполагают потенциальное следствие. Поэтому в словарной статье на первом месте следовало бы привести примеры употребления этой частицы в простом предложении, а в качестве второго значения указать условное в составе сложного предложения. Положение этой частицы внутри зависимой части, преимущественно в самом конце, препятствует ее трактовке как союза, для которого обычной является позиция в абсолютном начале предикативной единицы. Возможен, конечно, пересмотр объема понятия «союз» и отнесение к союзам разнообразных служебных полифункциональных единиц независимо от места их расположения в структуре предложения и морфологической природы, но с учетом одной только связующей функции. В русистике, например, для подобных случаев используются термины *союз-частица* или *частица-союз*. Однако терминологически более точным является все-таки трактовка данного слова как частицы.

Уступительные отношения передаются при помощи частицы *күйи* ‘хотя, хоть’, которая факультативно может сочетаться с другой частицей – *кепа* или *кепи*.

В «Хантыйско-русском словаре» для слова *күйи* дается перевод ‘как ни’ и помета *союз*, слово *кепа* и сочетание *күйи кепа* называются частицами, а слово *кепи* – союзом (для него примеров употребления во фразе не приводится), хотя *кепа* и *кепи*, скорее всего, являются вариантами одного и того же слова. При этом все эти лексемы передают одинаковое значение и употребляются в одном и том же типе конструкций – в сложном предложении уступительной семантики, поэтому должны были бы получить одинаковое морфологическое определение, ср.:

күйи союз как ни; *Күйи йиуки тэҕэн хөхөлсээн, аҕкэн щиты щи көккөкө пөрлэс* Как ни бежали они с водой, мама так и улетела кукушкой [Соловар 2020: 224];

күйи, күйи кепа частица хоть, хотя, хоть и; *Ма күйи кепа аһ вөнэлтыйлэҕэм, луйв киньцаҕа утиаһ аһтө* Я хоть и не учусь, но не глупей его, *Мәнэм щи күйи альийэҕэсэ, хул йуремэссэм* Хоть мне и показывали, я забыла [Там же];

кепа I частица хоть; *Сэм кепа аһ тайлэҕэн, вантэ* Хоть ты слепой (букв.: глаз не имеешь), посмотри [Там же: 229];

кепи союз; хотя [Там же].

В приведенных в словаре примерах встречается синонимичное сочетание *щи күйи*, которое следовало бы представить либо в отдельной словарной статье, либо, наоборот, все сочетания частицы *күйи* с разными частицами объединить в одну словарную статью.

Перевод слова *күйи* русским эквивалентом *как ни* при помете *союз* представляется не вполне удачным, так как в русской грамматике скрепа *как ни* считается сочетанием местоимения *как* с отрицательной частицей *ни*. В русском языке сформировалась целая серия подобных показателей связи для выражения обобщенно-уступительной семантики, образованных на основе сочетания любого относительного местоимения с частицами *ни* и *бы*, ср.: *кто (бы) ни, что (бы) ни, где (бы) ни, какой (бы) ни* и т. д.

В словарной статье для всех перечисленных выше хантыйских слов на первом месте следовало бы указать их частеречный статус как усилительных частиц, что подтверждается их употреблением в простом предложении, например:

(10) *Пайка сар, най ин йухи ај мйна, вантэ күйш* [Потпот 2014: 27].

пак=а сар най ин йухи
 терпеть=IMP/SUBJ/2SG INTRJ ты сейчас домой
 ај мйн=а вант=э күйш
 NEG/IMP идти=IMP/SUBJ/2SG смотреть=IMP/OBJ/2SG/SG **ведь**
 ‘Подожди немного, пока не уезжай домой, все увидишь’ [Потпот 2014: 30].

(11) *Мир лепэлты күйш вүтцийэс* [Потпот 2014: 26].

мир лепэл=ты күйш вүтций=эс=Ø
 народ обмануть=PrP **ведь** пытаться=PAST=SUBJ/3SG
 ‘Хотел ведь обмануть людей.’

(12) *Най кепна йауха щив.*

най кепна йаух=а щив
 ты **тоже** сходить=IMP/SUBJ/2SG туда
 ‘Ты тоже сходи туда.’

(13) *Най күйш кепна йухта.*

най күйш кепна йухт=а
 ты **хоть** **хоть** прийти=IMP/SUBJ/2SG
 ‘Хоть ты приди.’

Уступительная функция частицы *күйш* отчетливо видна в следующем примере:

(14) – *Най, мүй холлэлэн?*

– *А ма, – лупийэл, – апцём вўса лакнемэс, күйш ух сухэл эвэлт талсем, – лупэл, – ин утэм иса ил ци тэсы* [Потпот 2014: 9].

‘– Что ты плачешь?’

– У меня, – говорит, – братик в землю провалился, за волосы **как ни** тянула-тянула его, так совсем его под землю унесло’ [Потпот 2014: 11].

В разных словарных статьях с пометой *союз* приводится одно и то же слово *немкэнтэ*, которое, вероятнее всего, является результатом сращения отрицательного местоимения *немэлт* ‘никто, никакой’ с наречием типа *хэнтэ* ‘когда-нибудь’:

немкэнтэ хотя (хоть) бы *союз*; *Ај семэн немкэнтэ вантлэн* Хоть глазами посмотришь [Соловар 2020: 369];

немкэнтэ *союз* хотя бы; *Немкэнтэ тймэн мйнэм мийэ* Хотя бы это мне отдай [Там же: 370].

Приведенные примеры показывают употребление этого слова в функции ограничительной частицы, но статус союза не подтверждают. Маловероятно, чтобы со временем это слово стало конкурентом частиц *күйш*, *кепна* / *кепи* при выражении уступительной семантики, так как, несмотря на одинаковый перевод на русский язык, эти частицы имеют разные базовые значения: уступительное значение частиц *күйш*, *кепна* / *кепи* формируется на основе семы несоответствия, тогда как исходным значением лексемы *немкэнтэ* является ограничение.

Для связи частей в составе сложноподчиненного предложения времени употребляется частица *төп* ‘только’, для которой в «Хантыйско-русском словаре» В. Н. Соловар частеречной пометы не дано, а перевод ‘как только’, предполагающий союзную функцию, приводится внутри словарной статьи и примерами не сопровождается:

төп 1) только, лишь; *Най төп вулэт ај пайтанта* Ты только оленей не пугай; *Лүв нөптэл төп хөлгэм хятэл* Ему только три дня; *И атэң хятла төп еслыйэлсайэм* Только на один день отпус-

кали меня; *Тай хйтэл ацэн и лүк төп вэлмаж* Сегодня твой отец лишь одного глухаря добыл.
2) как только [Соловар 2020: 535–536].

Приведем пример из фольклорного текста, демонстрирующий временную семантику частицы *төп* в составе полипредикативной конструкции. В ее второй части имеются частицы *на ши* ‘и вот’, дополнительно подчеркивающие быструю смену событий:

(15) *Ин икилэжүкэм ил төп вуйэмса, на ши хор кўр, вой кўр шимраң сый ши сатьль*
[Потпот 2014: 17].

ин	ики=лэжүк=см=∅		ил	төп			
теперь	мужчина=DIM=POSS/1SG/SG=NOM		вниз	только			
вуйэм=с=а=∅		па	ши	хор	кўр	вой	кўр
уснуть=PAST=PASS=SUBJ/3SG		и	вот	бык	нога	зверь	нога
шимраң	сый=∅	ши	сатьль=∅				
цокающий	звук=NOM	вот	слышится.PR=SUBJ/3SG				

‘Ну, мужчина мой только уснул, опять цокот копыт оленей, цокот копыт быков слышен’ [Потпот 2014: 23] (Как только мужчина уснул, сразу же послышался цокот копыт оленей...).

Другим средством связи во временных полипредикативных конструкциях выступает слово *хөн*, представленное в словаре как серия омонимов:

хөн I (мест. нареч.) когда; *Хөн най йухэтлэн?* Когда ты придешь?

хөн II част. отриц. конечно, не; разве, не; *ай хөн* не просто; *Ма най хурлан шөка хөн нитсам* Мне не нужны, конечно, твои фотографии; *Вер шив хөн хойэс* Дело на этом, конечно, не остановится.

хөн III част. утверд. так; *Йа хөн мандэм* Ну так я пойду.

хөн IV союз когда; *Хөн йама вөлэпсэн мандэл, на лүв леваса сема ант нитэл* Когда жизнь идет нормально, он не попадает без причины на глаза [Соловар 2020: 601].

Отличительной особенностью данного слова является частотность инициальной позиции (см. *хөн IV*), которая поддерживается, очевидно, его местоименным характером: в функции вопросительного местоимения оно ставится в начале предложения (см. *хөн I*).

2. Частицы и местоимения в роли сочинительных союзов

Для связи однородных членов в простом предложении используются многозначные слова *на* ‘и’ и *муй* ‘что’. Приведем примеры их употребления в функции сочинительных союзов.

Союз *на* ‘и’ служит для соединения однородных членов прежде всего внутри простого предложения:

на союз и, а; *Шдлта наврэмэл лэптэс на ши хунтас* Затем ребенка посадил и убежал [Там же: 409].

Вопросительное местоимение *муй* ‘что’ используется для выражения разделительных отношений, формируя повторяющийся союз *муй ... муй* ‘или ... или; то ли ... то ли’, часто в сочетании с частицами:

муй IV союз 1) или; *Вүлэт йулта кэрэтлэлэ муй на лытаца вошэтлайэт* Оленей она сзади привязывает или же их свободно гонят; *Лүв ан рэхэл муй күйш рүш, муй ханты, леваса кэтэмтыйа ан рэхэл* В запретное место хоть русский, хоть ханты, без необходимости нельзя лезть; 2) то ли; *Лүв муй хүв шартэс, лүв муй ван шартэс* То ли он долго гадал, то ли коротко гадал [Там же: 313].

В целом сочинительные конструкции для хантыйского языка мало характерны, отношения соединения, разделения, противопоставления чаще выражаются лексически или параллелизмом структур.

3. Ошибочная квалификация частиц, вводно-модальных слов и наречий как союзов

В «Хантыйско-русском словаре» помета *союз* сопровождает слова, которые на самом деле являются другими частями речи. Приведем примеры:

мйтэ союз 1. что, будто; *Мйттэ хөлэм вент хор лольят* Будто три лесных быка стоят. 2. *вводн. сл.* оказывается; *Пухэл, мйттэ, йухэтмап* Сын=его, оказывается, приехал [Там же: 301]. Слово *мйттэ* и его вариант *мйтты* могут употребляться в изъяснительных сложноподчиненных предложениях, однако первый пример в словарной статье иллюстрирует функцию модальной частицы, союзную функцию можно подтвердить следующим примером:

(15) *Юхи хйщум кеман Елена Евгеньевна щимйщ айкеп этййтс, мйтты щи няврэм вэнлтйты тйхета округ эвйт на компьютерйт лэщатты пйта 373 миллион шойт вух мйсы* [«Ханты ясаң». 29.04.2006. В. Енов. «Йлпа верум посупсы»] 'Когда приехала домой, Елена Евгеньевна такую новость рассказала, **будто** детским учреждениям от округа выделено 373 миллиона рублей для оснащения компьютерами'. Таким образом, в состав словарной статьи следует включить первое значение как сравнительной частицы, второе значение как союза и третье как вводного слова;

йлмонтыки союз как будто [Соловар 2020: 47]: примеров употребления этого слова в словаре нет. Вероятнее всего, оно является результатом сращения трех слов: *йл* 'просто', *монты* 'прежде, раньше', *ки* 'если' и используется для выражения персуазивности – неуверенности в достоверности наблюдаемого явления, выступая в роли частицы или вводно-модального слова;

ййна 1. союз правда, действительно; *Ййна, мйттырэн, ин ай икиле тыв кэрийэл, тухи кэрийэл* Действительно, оказывается, этот мальчишка сюда качнется, туда качнется; 2. *частица* да [Там же: 131]. Слово *ййна* 'правда, действительно' не используется для связи частей сложного предложения, а выражает верификацию. В словаре за ним следует слово *ййнапа* 'и правда', которому присвоен другой статус – вводного слова: *ййнапа ввод. сл.* и правда; *Ййнапа, йухэтмап* И правда, приехал он [Там же: 131]. Оно состоит из двух частей – *ййна* 'правда' и частицы *па* 'и', возможно, это одно и то же слово, к которому для усиления значения присоединяется частица *па*;

хйщ 1. *част.* чуть не, едва не; *Йл хйщ пйтсам* Я чуть не упал <...>; 2. *союз* чуть не, едва не [Там же: 582]: для данного слова в словаре приводится много примеров, где оно выступает как частица, однако для союзной функции ни одного примера нет, вероятнее всего, потому, что для связи частей сложного предложения это слово все-таки не используется;

щипи союз и; *И йэтэн щипи пун верты ими йухтэс, амп шйни лон төс фолькл.* И в один вечер пришла женщина, делающая жилы, принесла жилы со спины собаки [Там же: 659]: в данном примере полисемант *щипи* выступает в роли частицы, при всем многообразии его значений выделение функции союза для него вряд ли оправдано.

4. Ошибочная квалификация послелогов как союзов или союзных слов

Ряд послелогов, которые употребляются в аналитико-синтетических причастно-послеложных конструкциях, причислены к союзам или союзным словам: *вэвэн* 'вместо того чтобы', *эвйт* 'от, с, из', *тйхийэн* 'для, из-за'. Они действительно служат для выражения соответствующих отношений между частями, но при этом своей частеречной принадлежности как послелогов в роли показателя связи в составе полипредикативных конструкций не меняют:

вэвэн союз вместо того чтобы [Там же: 101]: данное слово является послелогом, оно употребляется после причастия настоящего-будущего времени, формируя аналитико-синтетическую конструкцию со значением замещения (пример 16). Функционально это слово эквивалентно русскому заместительному союзу *вместо того чтобы*, однако специфика конструкции, в которой эта лексема употребляется, не позволяет признать его союзом (ср. пример 3):

(16) *Кина вантты вэвэн моьщ хънша* [Там же: 101].

кина=∅	вант=ты	вэвэн	моьщ=∅
кино=NOM	смотреть=PrP	вместо того чтобы	сказка=NOM
хънш=a			
написать=IMP/SUBJ/2SG			

‘Вместо того чтобы смотреть кино, напиши сказку.’

Слово *эвэлт* представлено в словаре как четыре омонима, последней в списке указывается союзная функция:

эвэлт IV союз пока; *Ма йъухтэм эвэлт, лъв мънма* Пока я ездил, он уехал; *фолькл. Не пижем къншем эвэлт, къш хута сурма ат йишэм* Пока ищу свою подругу, хоть где пусть умру; *Лъын йъухтан эвэлт, ин нсунэн китэнтэк ъавремауа йисунэн* Пока они ходили, у обоих женщин появились дети [Там же: 677–678].

Однако во всех случаях частеречная природа этого слова одна и та же – это послелог, который используется в разных типах конструкций, в данном случае – в причастно-послеложной аналитико-синтетической конструкции (ср. примеры 3 и 16):

(17) *Ма йъухтэм эвэлт, лъв мънма* [Там же: 678].

ма йъух=т=см	эвэлт	лъв	мън=м=ал
я ходить=PrP=1SG	пока	он	уехать=PP=3SG

‘Пока я ездил, он уехал.’

Лексема *тэхийэн* названа союзным словом [Там же: 530], однако это тоже послелог:

(18) *Лоьщ охтыйэн ант шотшэв тэхийэн, йишк хъват мънлэв* [Там же].

лоьщ	охтыйэн	ант	шотш=эв	тэхийэн
снег	по	не	ходить.PrP=1PL	чтобы не
йишк	хъват	мън=л=эв		
вода	по	идти=PR=SUBJ/1PL		

‘Чтобы не ходить по снегу, по воде идем.’

Таким образом, в хантыйском языке нет ни одного лексического средства, которое можно было бы однозначно охарактеризовать как союз. Все слова, служащие для связи частей полипредикативных конструкций, являются полифункциональными: на их первичные функции как частиц или местоимений накладываются вторичные функции связи предикативных частей. Поэтому по отношению к таким единицам оптимальным является термин *скрепа*, предложенный М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, подчеркивающий их функциональную, а не морфологическую природу.

5. Классификация аналитических скреп хантыйского языка

При классификации аналитических скреп хантыйского языка мы опираемся на принципы, разработанные М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой применительно к русским скрепам [Черемисина, Колосова 1987: 136–138]. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет высветить специфику системы хантыйских скреп, в которых «союзная» зона, многочисленная и разнообразная в русском языке, фактически совсем не разработана.

В зависимости от принадлежности скрепы одной или обоим предикативным единицам, различаются одноместные и неодноместные скрепы: одноместные целиком принадлежат одной из предикативных единиц, неодноместные состоят из двух или более частей и находятся в разных предикативных единицах. На втором шаге классификации учитывается морфологическая природа скреп: в хантыйском языке они образуются на основе частиц или местоимений. Дальнейшее деление проводится по количеству компонентов, входящих в состав той или иной скрепы: в соответствии с этим выделя-

ются однокомпонентные и многокомпонентные (в хантыйском, как правило, двукомпонентные) скрепы.

Формирование новых типов хантыйских полипредикативных конструкций и соответствующих им скреп описано в коллективной монографии «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе» и проиллюстрировано большим количеством примеров [Сложность... 2018: 338–371], поэтому здесь мы ограничимся только перечислением самих скреп и их значений.

1. Одноместные скрепы:

1) на основе частиц:

а) однокомпонентные: *ки* ‘если’, *хэн* ‘когда’, *төп* ‘как только’, *күш* ‘хотя’, *ат* ‘чтобы’, *лөжэн* ‘чтобы’, *па* ‘и’;

б) многокомпонентные:

– на основе уступительных частиц: *ици күш* ‘хотя’, *күш кена* ‘хотя’;
– на основе императивных и условных частиц: *лөжэн ... ат* или *ат ... лөжэн* ‘чтобы’; эти скрепы допускают разные варианты дистантного и контактного расположения при разных членах предложения, что показывает неустойчивость данных комплексов как показателей связи, поскольку они сохраняют позиции, свойственные частицам, а не союзам;

2) на основе местоимений (прономинальные):

а) однокомпонентные, использующиеся в вопросительно-изъяснительных предложениях:

– X-местоименные: *хэн* ‘когда’, *хуй* ‘кто, чей’, *хулсаты* ‘откуда’, *хулица* ‘откуда’, *хулицаса* ‘откуда’, *хута* ‘где’, *хуты* ‘как’, *хутыса* ‘как’, *хутысаты* ‘как’ и др.;

– M-местоименные: *муй* ‘что’, *муя* ‘почему, зачем’, *муйсэр* ‘какой’, *мйта* ‘который, какой’ и др.;

б) многокомпонентные (прономинально-последложные):

– *ЩИ*-местоименные: *ици пйта* ‘из-за того что’, *ици урэуна* ‘чтобы’, *ици йүпийэн* ‘после этого’, *ици арат* ‘насколько’ и др. В состав этого класса потенциально входят все хантыйские послелогов в сочетании с частицей *ици*;

– *МУЙ*-местоименные: *муй па* ‘зачем, почему’, *муй вүрэн* ‘как’, *муй иты* ‘как’, *муй лампи* ‘как’, *муй хурпи* ‘как’, *муй хурасэн* ‘как, каким образом’, *муй вүй эвэйт* ‘с каких пор’, *муй вүй вөнта* ‘до каких пор’, *муй кем* ‘насколько’, *муй мурт* ‘насколько’, *муй арат* ‘сколько’, *муй щирэн* ‘каким образом’ и др., образованные сочетанием местоимения *муй* ‘что’ и разнообразных служебных слов, прежде всего послелогов.

2. Неодноместные скрепы:

1) двухместные: *ици арат ... муй арат* ‘столько ... сколько’, *муй арат ... ици арат* ‘сколько ... столько’, *ици олэжэн ... муй вүрэн* ‘о том ... как’, *ициты ... муй вүрэн* ‘так ... как’, *ици пйта ... лөжэн ат* ‘для того, чтобы’, *ициты ... хуты* ‘так ... как’ и т. п. Этот класс формируется в газетных текстах на основе калек с русских многоместных скреп, при этом прямого заимствования не происходит, задействуются собственные лексические средства хантыйского языка;

2) многоместные: *муй ... муй ... муй* ‘или ... или ...или’, *а муй ... а муй ... а муй* ‘то ли ... то ли ... то ли’, *па муй ... па муй ... па муй* ‘не то ... не то ... не то’.

В завершение статьи приведем типичный отрывок из газетного текста, в котором наглядно видно обилие разнообразных аналитических средств связи частей предложения и текстовых скреп, не свойственных традиционным произведениям фольклора:

(19) *Сыры одайтн, хэн вэнт шушеп түтн лесы, ици пйта интйм Кечимоват тйл вэнт шушия ан касйлсйт. Щи тумпи па и нүйша тййлйт – вэнтан пурвойт яңхйлт. Ин цйта вэлты хйнтэт ан вэйлт, муй щирн пурвой эвйлт вүйэт лавйлты* (И. Самсонова; <https://khanty-yasang.ru/khanty-yasang/no-2-3542/9877>) – **В прежние годы, когда** лес сгорел (букв.: огнем съеден), **поэтому** теперь Кечимовы зимой в лес не кочуют. Кроме этого, и другую беду имеют – по лесу волки ходят. **Теперь** там живущие ханты не знают, **как** оленей от волков охранять.

Выводы

Аналитические средства связи частей сложного предложения хантыйского языка представлены сравнительно небольшим кругом единиц (около 50). Все они являются полифункциональными и используются для связи частей полипредикативных конструкций только в своей вторичной функции, выполняя в первую очередь функции частиц или местоимений. Союзов как таковых в хантыйском языке нет. Это связано с тем, что основным, исконным типом полипредикативных конструкций являются синтетические и аналитико-синтетические конструкции, в которых морфологические показатели инфинитных форм, падежные аффиксы и послелогои используются для выражения отношений между событиями. При преобладании синтетических стратегий построения полипредикативных конструкций количество аналитических скреп, естественно, невелико. Однако они активно формируются, прежде всего в газетных текстах, в которых калькируются сложные предложения русского типа. При этом прямого заимствования русских союзов практически не происходит, формируется собственный фонд аналитических показателей связи на базе имеющихся в языке ресурсов. Классификация показателей связи частей полипредикативных конструкций, разработанная М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, может стать основой для проведения широких типологических классификаций связующих средств в языках разных систем.

Список литературы

- Белошапкина В. А. Рецензия на книгу: Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с. // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 144–148.
- Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов: монография. Хабаровск: ДВГГУ, 2008. 242 с.
- Озонова А. А. Формирование фонда аналитических скреп союзного типа в алтайском и башкирском языках // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 268–270.
- Озонова А. А. Аналитические средства связи в темпоральных и каузальных полипредикативных конструкциях алтайского языка (на материале фольклорных и современных художественных текстов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013а. Т. 12. № 2. С. 161–165.
- Озонова А. А. Аналитические средства связи в фольклорных текстах (на материале алтайских героических сказаний) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013б. № 2 (25). С. 52–55.
- Озонова А. А. Аналитические средства связи союзного типа в алтайском языке // Актуальные вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 2009. С. 18–27.
- Озонова А. А. Классификация аналитических скреп алтайского языка // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сборник статей в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 235–241.
- Озонова А. А. Некоторые изменения в системе аналитических средств связи в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2007. С. 110–117.
- Поттот Р. М. Касэм йох пуртэт, арэт. Предания, песни казымских хантов. Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. 126 с.
- Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / Отв. ред. А. А. Мальцева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2018. 422 с.
- Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): Более 9000 слов / Под. ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. 689 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с.
- Черемисина М. И., Озонова А. А. Аналитические средства связи частей сложного предложения в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2006. С. 3–20.

Шамина Л. А. Аналитические скрепы в тувинском языке // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сборник статей в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 242–248.

Riese T. *The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages*. Wien, 1984. 263 p.

References

Beloshapkova V. A. Recenziya na knigu: Cheremisina M. I., Kolosova T. A. “Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya”. Novosibirsk, Nauka, 1987, 196 s. [Book review: Cheremisina M. I., Kolosova T. A. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk, Nauka, 1987, 196 p.]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1989, no. 5, pp. 144–148. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 196 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi chastey slozhnogo predlozheniya v altayskom yazyke [Analytical means of the connection of parts of a complex sentence in the Altai language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2006, pp. 3–20. (In Russ.)

Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi v fol'klornykh tekstakh (na materiale altayskikh ge-roicheskikh skazaniy) [Analytical means of the connection of parts of sentences in folklore texts (based on the material of Altai heroic tales)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2013b, no. 2 (25), pp. 52–55. (In Russ.)

Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi soyuznogo tipa v altayskom yazyke [Analytical means of the connection of parts of sentences of the conjunction type in the Altai language]. In: *Aktual'nye voprosy altayskogo yazykoznanija* [Topical issues of the Altai linguistics]. Gorno-Altaysk, 2009, pp. 18–27. (In Russ.)

Ozonova A. A. Analiticheskie sredstva svyazi v temporal'nykh i kauzal'nykh polipredikativnykh konstruktivnykh altayskogo yazyka (na materiale fol'klornykh i sovremennykh khudozhestvennykh tekstov) [Analytical means of the connection of parts of a temporal and causal predicative constructions of the Altai language (based on the material of folklore and modern literary texts)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: “History and Philology”*. 2013a, vol. 12, no. 2, pp. 161–165. (In Russ.)

Ozonova A. A. Formirovanie fonda analiticheskikh skrep soyuznogo tipa v altayskom i bashkirskom yazykakh [Formation of a fund of analytical means of the connection of parts of a complex sentence in the Altai and Bashkir languages]. In: *Bashkirskiy yazyk i literatura v usloviyakh globalizatsii i polietnicheskoy sredy: opyt i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Bashkir language and literature in the conditions of globalization and multi-ethnic environment: experience and prospects. Materials of the International Scientific-Practical Conference]. 2019, pp. 268–270. (In Russ.)

Ozonova A. A. Klassifikatsiya analiticheskikh skrep altayskogo yazyka [Classification of analytical means of the connection of parts of sentences of the Altai language]. In: *Asimmetriya kak printsip funktsionirovaniya yazykovykh edinits: sbornik statey v chest' professora T. A. Kolosovoy* [Asymmetry as a principle of functioning of language units: collection of articles in honor of Professor T. A. Kolosova]. Novosibirsk, 2008, pp. 235–241. (In Russ.)

Ozonova A. A. Nekotorye izmeneniya v sisteme analiticheskikh sredstv svyazi v altayskom yazyke [Some changes in the system of analytical means of the connection of parts of sentences in the Altai language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2007, pp. 110–117. (In Russ.)

Potpot R. M. *Kasam yokh putrat, arat. Predaniya, pesni kazymskikh khantov* [Legends, songs of the Kazym Khanty]. Tyumen', OOO “FORMAT”, 2014, 126 p. (In Russ.)

Riese T. *The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages*. Wien, 1984, 263 p.

Shamina L. A. Analiticheskie skrepy v tuvinskom yazyke [Analytical means of the connection of parts of a sentence in the Tuva language]. In: *Asimmetriya kak printsip funktsionirovaniya yazykovykh edinits: sbornik statey v chest' professora T. A. Kolosovoy* [Asymmetry as a principle of functioning of language

units: collection of articles in honor of Professor T. A. Kolosova]. Novosibirsk, 2008, pp. 242–248. (In Russ.)

Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspektive [The complexity of the languages of the Siberian area in the diachronic-typological perspective]. A. A. Mal'tseva (Ed. in Ch.). Institute of Philology, SB RAS. Novosibirsk, Academic Publishing House "Geo", 2018, 422 p. (In Russ.)

Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt): Bolee 9000 slov* [Solovar V. N. Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect): More than 9000 words]. A. A. Burykin (Ed.). Novosibirsk, SB RAS Publ., 2020, 689 p. (In Russ.)

Zav'yalov V. N. *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury russkikh soyuzov: monografiya* [Morphological and syntactic aspects of the description of the structure of Russian conjunctions]. Habarovsk, DVGGU, 2008, 242 p. (In Russ.)

Список условных обозначений

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема; **1, 2, 3** – 1-е, 2-е, 3-е лицо; **CV** – деепричастие; **DIM** – уменьшительно-ласкательный аффикс; **DU** – показатель двойственного числа; **IMP** – показатель повелительного наклонения; **INTRJ** – междометие; **LOC** – показатель местнотворительного падежа; **NEG** – отрицательная частица; **NOM** – нулевой показатель именительного падежа; **OBJ** – форма субъектно-объектного спряжения; **OBJ/2SG/SG** – показатель объектного спряжения 1-го лица единственного числа субъекта при единственном числе объекта; **PASS** – показатель страдательного залога; **PAST** – показатель прошедшего времени; **PL** – показатель множественного числа; **POSS/3SG/SG** – лично-притяжательный показатель 3-го лица единственного числа обладателя при единственном числе предмета обладания; **PP** – показатель причастия прошедшего времени; **PR** – показатель настоящего времени; **PrP** – показатель причастия настояще-будущего времени; **SG** – показатель единственного числа; **SUBJ** – субъектное спряжения.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.08.2021*

Сведения об авторе

Кошкарёва Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4578-6591

Information about the Author

Natalia B. Koshkareva – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of General and Russian Linguistics of the Humanities Institute of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4578-6591